

DOI: <https://doi.org/10.17816/nb631857>

Феноменологический подход в психотерапии

С.М. Бабин

Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова, Санкт-Петербург, Россия;
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;
Российская психотерапевтическая ассоциация, Санкт-Петербург, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье освещены проблемы взаимодействия психотерапии и такого направления философии, как феноменология. Базовые принципы феноменологического метода рассматриваются в контексте их применения в психотерапии. Основные проблемы автор видит в изолированности друг от друга смежных областей гуманитарного знания, сохраняющейся приверженности российской психотерапии исключительно естественнонаучной позитивистской концепции здоровья и болезни, доминировании биологически-ориентированных подходов. Это отражается как в трактовке феноменологического метода в отечественной психиатрии, так и в использовании феноменологии в различных психотерапевтических направлениях. Решением проблемы может быть более глубокое знакомство специалистов с философскими основаниями и методологическими принципами феноменологического метода, а также междисциплинарный диалог, расширение гуманитарной составляющей подготовки профессионала, что отвечает задачам дальнейшего развития отечественной психотерапии.

Ключевые слова: феноменология; феноменологический метод; психотерапия; психиатрия; экзистенциальная психотерапия.

Как цитировать:

Бабин С.М. Феноменологический подход в психотерапии // Неврологический вестник. 2024. Т. 56, № 2. С. 117–128. DOI: <https://doi.org/10.17816/nb631857>

DOI: <https://doi.org/10.17816/nb631857>

Phenomenological approach in psychotherapy

Sergey M. Babin

North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov, Saint Petersburg, Russia;

Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;

Russian Psychotherapeutic Association of specialists and organizations in the field of mental health, Saint Petersburg, Russia

ABSTRACT

The article discusses the problems of interaction between psychotherapy and such a direction of philosophy as phenomenology. The basic principles of the phenomenological method are considered in the context of their application in psychotherapy. The author sees the main problems in the isolation of related fields of humanistic knowledge from each other, in the continuing commitment of Russian psychotherapy to an exclusively natural-scientific positivist concept of health and illness, and in the dominance of biologically oriented approaches. This is reflected both in the interpretation of the phenomenological method in domestic psychiatry, and in the use of phenomenology in various psychotherapeutic fields. The solution to this problem may be a deeper acquaintance of specialists with the philosophical foundations and methodological principles of the phenomenological method, interdisciplinary dialogue, expansion of the humanitarian component of professional training, which corresponds to the objectives of the further development of domestic psychotherapy.

Keywords: phenomenology; phenomenological method; psychotherapy; psychiatry; existential psychotherapy.

To cite this article:

Babin SM. Phenomenological approach in psychotherapy. *Neurology Bulletin*. 2024;56(2):117–128. DOI: <https://doi.org/10.17816/nb631857>

Received: 10.05.2024

Accepted: 31.05.2024

Published online: 19.06.2024

DOI: <https://doi.org/10.17816/nb631857>

Психотерапиядә феноменологик алым

С.М. Бабин

И.И.Мечников ис. Төньяк-Көнбатыш дәүләт медицина университеты, Санкт-Петербург, Рәсәй;
Санкт-Петербург дәүләт университеты, Санкт-Петербург, Рәсәй;
Рәсәй психотерапия ассоциациясе, Санкт-Петербург, Рәсәй

АННОТАЦИЯ

Макаләдә психотерапиянең фәлсәфәнең бер юнәлеше булган феноменология белән үзара бәйләнешле проблемалары яктары. Феноменология ысулының төп принциплары аларны психотерапиядә куллану контекстында карала. Төп проблемаларны автор гуманитар белемнең чиктәш өлкәләренең бер-берсеннән аерым торышында, Рәсәй психотерапиясенең сәламәтлек һәм авыру концепциясен өйрәнүдә күп очракта табигый фәнни позитивистик юнәлешкә басым ясагында, биологиягә ориентлашкан алымнарның өстенлек итүендә күрә. Бу илебез психиатриясендә феноменология ысулын аңлатуда да, төрле психотерапия юнәлешләрендә феноменологияне куллануда да чагылыш таба. Әлеге проблеманы хәл итүдә белгечләрнең феноменологик алымның фәлсәфи нигезләрен һәм методологик принципларын тирәнрәк өйрәнүе, шулай ук дисциплинаара диалог, профессионаллар әзерләүнең гуманитар составын киңәйтүнең әһәмияте гаять зур. Бу юнәлешләр илебез психотерапиясенең алга таба үсешендә мөһим урын алып тора.

Төп төшенчәләр: феноменология; феноменология ысул; психотерапия; психиатрия; экзистенциаль психотерапия.

Өзгәртүләр ясау өчен:

Бабин С.М. Психотерапиядә феноменологик алым // Неврология хәбәрләре. 2024. Т. 56. Чыг. 2. 117–128. DOI: <https://doi.org/10.17816/nb631857>

Да, мир и все его основы —
Свои для каждого из нас!
Я умер — целый мир погас!
Ты родился — возникнул новый:
Тем несомненной, тем полней,
Чем ярче мысль души твоей!
К.К. Случевский¹

В известной монографии Ф.Е. Василюка и соавт. «Методология психологии: проблемы и перспективы» (2013) обращает на себя внимание неоднократно высказанная мысль, что отечественная психологическая традиция поставлена сейчас перед достаточно жёстким вызовом — необходимостью «демонстрации её теоретической и практической «конкурентоспособности» в такой особой области, как психотерапия, являющейся законодателем мод психологической мысли XX века». И если она не сможет «выдержать испытание психотерапией — без неё обойдутся в практике, потом в образовании, а затем и в самой науке» [1].

Авторы особо выделяют теорию деятельности А.Н. Леонтьева, теорию отношений В.Н. Мясищева и теорию установки Д.Н. Узнадзе в качестве наиболее представительных отечественных общепсихологических теорий, которые могут быть основаниями для разработки оригинальных систем психотерапии.

Возможно именно Санкт-Петербургская (Ленинградская) школа психотерапии может ответить на этот вызов и предложить оригинальную, научно обоснованную и эффективную модель психотерапии. Однако Ф.Е. Василюк и соавт. отмечают, что «в области психотерапии в последние десятилетия процесс развития психологической практики шёл под таким мощным влиянием зарубежных психотерапевтических школ, что целое поколение российских психотерапевтов (психологов) в своей профессиональной деятельности идентифицируются преимущественно с этими направлениями терапии», и «нелегко отыскать психолога-психотерапевта, гордо именующего себя «мясищевцем», а уж, например, «леонтьевца» не стоит и пытаться искать» [1].

На наш взгляд, такое положение в отечественной психотерапии и психологической науке во многом определяется их разобщённостью, изолированностью друг от друга и смежных областей гуманитарного знания, сохраняющейся приверженностью российской психотерапии исключительно естественнонаучной позитивистской концепции здоровья и болезни, доминированию биологически-ориентированных подходов.

Б.Д. Карвасарский ещё в 2005 г. писал, что «Трудности и отставания разработки методологических проблем психотерапии определяются тем, что психотерапия, как ни одна другая лечебная дисциплина, зависит

от решения сложнейших проблем, не только медицины, но и психологии, социологии, философии...» [2]. Именно сближение психотерапии и философии, обогащение и расширение психотерапевтических возможностей за счёт более глубокого и целостного понимания человека и его бытия-в-мире позволят российской психотерапии выйти на новый уровень развития и ответить на вызовы современности.

Сама концепция биопсихосоциальной модели психического расстройства вновь возвращает нас к идее рассмотрения человека как некой целостности, находящейся в неразрывной связи с самим собой и окружением, бытием-в-мире. Возможно, именно философские основы этого понимания и виденья позволят дополнить и расширить современный преимущественно декларативный и/или исключительно технологический подход к оказанию психотерапевтической/психиатрической помощи [3].

Как писал К. Ясперс (1997), «когда объектом исследования становится человек во всей полноте «человеческого», а не просто человек как биологический вид, психопатология обнаруживает свойство гуманитарной науки» [4]. По этой причине психиатрия (а можно добавить и психотерапия), практикуемая врачами без гуманитарной подготовки, не является полноценной научной дисциплиной [5].

Данная статья посвящена проблемам взаимодействия психотерапии и такого направления философии, как феноменология. В основе этой работы лежат материалы нескольких докладов на профессиональных конференциях за 2014–2022 гг. Я в большей степени сосредоточусь именно на психотерапии и в минимальной степени, не будучи ни философом, ни гуманитарием, на проблемах феноменологии.

Хочу остановить ваше внимание на эпиграфе, взятом из стихотворения весьма своеобразного русского поэта Константина Константиновича Случевского (1837–1904). И действительно, каждый из нас — это целый мир, неповторимый и отдельный от других миров. Однако, может быть, именно феноменологический метод и позволяет в какой-то степени и с известными ограничениями попытаться проникнуть в этот мир другого, насколько это в принципе возможно.

Опять же, не будучи гуманитарием (я врач по образованию) и скорее сейчас восполняя пробелы своего гуманитарного образования, просто хочу напомнить истоки феноменологии. Её основы связаны в первую очередь с Эдмундом Гуссерлем и его работой «Логические исследования» (1900, 1901). У него были и предшественники, такие как Ф. Brentano, К. Штумпф и др. Для нас сегодня очень важно понять, что феноменология — это не замкнутая школа, а широкое философское движение. Именно этим обусловлено то воздействие, которое феноменология оказала и продолжает оказывать на самые разные

¹ Случевский К.К. Стихотворения, поэмы, переводы. М.: ОГИ, 2009. с. 197.

области нашей действительности. В том числе на психологию и психотерапию.

Конечно, уже больше чем за 100 лет, прошедших с момента издания «Логических исследований» Гуссерля, феноменология не стоит на месте, а продолжает развиваться. Она затрагивает новые области познания, становится глубже, шире, разнообразнее. И наша задача как психотерапевтов постепенно акцептировать всё то, что нам поможет в нашей непосредственно практической деятельности.

Феноменология (от греч. *φαινόμενον* и *λόγος* — феномен и логос — учение о феноменах/явлениях) — это обозначение философского движения, а также своеобразной практики осмысления, пытающейся проникнуть к истокам человеческого опыта и познания.

Феноменологический метод, как пишет Н.А. Артеменко, одна из авторитетнейших отечественных феноменологов, «рассматривался как способ интуитивного прояснения, рефлексивного анализа и всестороннего описания разного рода предметного содержания, представленного в сознании, позволяющий привести к ясности, строгости и адекватности используемые нами философские, научные понятия и положения. Феноменологический метод представляет собой попытку уделять феноменам более полное внимание, своеобразную попытку обогатить мир нашего опыта, показав некоторые из его ранее игнорировавшихся аспектов» [6].

Словами Гуссерля, «феноменология — «наука об истинных началах», об истоках; её метод — это феноменологическое постижение сущности, освобождённое от догматизма метафизического всезнания, от косвенно символизирующих и математизирующих методов, от аппарата умозаключений и доказательств». «Наука об истинных началах» — известное определение феноменологии Гуссерля, как и его знаменитый призыв — «Назад к самим вещам».

Это очень важно для непредвзятого и ясного понимания пациента, клиента, который приходит к врачу-психотерапевту или психологу. И чем больше мы будем свободны от искажающих наше восприятие установок, каких-либо predispositions и будем рассматривать клиента не предубеждённо, тем лучше мы будем устанавливать с ним контакт и, в том числе, лучше будем его лечить и/или консультировать. Формат статьи не позволяет остановиться на различиях и сходствах медицинской и психологической моделей психотерапии, и далее термины «пациент» и «клиент» используются как синонимы.

Сегодня феноменология в широких научных кругах и среди практикующих специалистов становится модной темой, неоднократно на различных конференциях и семинарах коллеги обращаются к этому понятию, начиная от общеупотребительных названий статей и докладов, таких как «феноменология депрессии» или «феноменология травмы» и тому подобное, до относительно экзотических, например «феноменология зимней спячки сибирского бурундука». Однако многие авторы, в частности

А. Улановский (2012), пишут, что сейчас термин «феноменология» в обыденном и даже научном использовании является простым синонимом описания, в психиатрии синонимом синдрома или симптомокомплекса, то есть скорее используется с таким дополнительным научным флёром [7].

Сказать о каком-то явлении или проблеме, что я привожу его описание, — это просто и банально, а заявление, что это, например, «феноменология агрессии», а не просто «описание агрессии», звучит значительно более научно-образно. Хотя на самом деле мы можем говорить о феноменологии лишь тогда, когда речь идёт о досконально-описательном беспредпосылочном исследовании чего-либо [8]. В данном случае симптоматики клиента, его переживаний и проблем. И именно с этой точки зрения феноменология имеет специфику, специфическую область рассмотрения, а не просто описание чего бы то ни было.

Позволю себе напомнить основные отличия феноменологического метода. Очень важная и ключевая особенность феноменологии состоит в том, что это, прежде всего, метод познания, а не система взглядов или идей (Райнах А., 2001) [9]. И, поскольку это метод познания, его следует принимать и практиковать как способ или стиль, как говорил М. Мерло-Понти (1999) [10]. Соответственно, как любой метод или способ, его можно практиковать и совершенствовать.

И, опять же, как любому методу или способу работы, ему необходимо обучиться и обучиться на практике, а не просто через теоретическое знакомство с трудами основоположников феноменологического направления. При этом следует понимать, что с философской точки зрения цель феноменологии, как писала Эдит Штайн (2006), — это прояснение, вместе с тем предельное обоснование всего познания [11].

Феноменология изначально была взята на вооружение психиатрами, психологами, психотерапевтами. Можно лишь перечислить наиболее видных представителей так называемой «феноменологической психиатрии»: Л. Бинсвангер, Э. Минковски, Э. Страус, А. Кронфельд, В.Е. фон Гебсаттель, Г. Элленбергер и др. Многие исследователи, в частности О. Власова (2010), считают, что феноменологическую психиатрию вообще сложно отделить от экзистенциальной психологии и психотерапии, это весьма близкие, взаимопроникающие дисциплины или области знания и практики [12].

Следует особо выделить К. Ясперса и его «Общую психопатологию», вышедшую в 1913 г., где целые разделы посвящены феноменологическому описанию психопатологической симптоматики, понимающей психологии и, в том числе, теоретическому пониманию феноменологии [4]. Специалисты хорошо помнят, как выглядит огромный том «Общей психопатологии» Ясперса. И у многих, в том числе ранее и у меня, сохранялось ощущение, что мы более или менее знакомы с этой работой. Все когда-то давно это читали, в интернатуре, в ординатуре, все «выросли»

на Ясперсе. Однако, когда проходят десятилетия и вновь возвращаешься к этому труду, неожиданно выясняется: «Я читал что-то другое», «То ли это был не Ясперс, то ли я его не так читал». Совершенно по-другому читаются целые разделы, неожиданно «появляются» «новые» главы. Хотя, с точки зрения феноменологии, было бы правильнее сказать, что это именно я сегодня по-другому смотрю и воспринимаю этот текст.

Феноменология стала методологическим базисом гуманистической и экзистенциальной психиатрии и психотерапии Л. Бинсвангера, М. Босса, К. Роджерса, Р. Мэя, Р.Д. Лэйнга и многих других. Феноменологический метод лежит в основе всей экзистенциальной психотерапии, гештальт-терапии Ф. Перлза, логотерапии В. Франкла, психотерапии, сфокусированной на переживании, Ю. Джэндлина, процессуально ориентированной терапии А. и Э. Минделлов и т.д. Фактически большинство школ третьего экзистенциально-гуманистического направления психотерапии базируется на феноменологических принципах. Во многих руководствах это направление именно так и называется — феноменологическое направление психотерапии.

С определённой долей условности можно сказать, что в центре внимания феноменолога находятся следующие три базовых понятия или принципа. Во-первых, это переживания, данные ему непосредственно в опыте. Во-вторых, это беспредпосылочное рассмотрение чего бы то ни было. И только на этом фоне (третьим шагом) возможно появление или открытие новых смыслов.

Кратко остановимся на основных теоретических принципах феноменологии. Первый из них — принцип беспредпосылочности (греч. *ἐποχή* — эпохэ — задержка, остановка, удерживание, самообладание) по Гуссерлю — «отказ от убеждений и предпосылок». Гуссерль говорил, что «мы заключаем это в скобки». Если вести речь о практической деятельности, мои теории, знания, имеющуюся информацию о пациентах я заключаю в скобки, именно с целью непредвзятого рассмотрения феномена. Сам термин может вызывать некоторое непонимание. Поскольку Гуссерль первоначально занимался математикой, понятие «скобки» скорее восходит к математической терминологии. Может быть, для гуманитария более привычно говорить, что всё это заключается в кавычки и, таким образом, выносится из рассмотрения в настоящий момент (Томас Содейко, устное сообщение).

Этот принцип очень хорошо описал известный отечественный философ Мераб Мамардашвили: «Мы не знаем мира субъекта, помимо и через голову того, что о нём сообщает последний. Мы не знаем и не можем знать мира нашего пациента, помимо того, что он нам сообщит» [8]. Распространённая иллюзия, что я знаю что-то о клиенте, чего не знает он сам, которую разделяют масса консультантов, и врачей и психологов: «Я же, лучше понимаю расстройство/проблему, чем пациент». Возможно, это и так, если речь идёт о теоретическом понимании того или иного

расстройства. Но, безусловно, нет, если говорить о понимании человеком своего собственного страдания. Именно пациент — эксперт в своём опыте и, в том числе, в своей проблеме, в своём расстройстве.

Разумеется, мы не можем быть полностью свободны от предварительных умозаключений, но сам принцип беспредпосылочности означает принципиальную возможность рефлексии так называемых предпосылок, и эта рефлексия помогает установить более открытые, непредвзятые и глубокие отношения с другим человеком (пациентом).

Второй теоретический принцип феноменологии — принцип очевидности. Это знаменитый призыв Гуссерля «назад к самим вещам». «Всё, что дано нам, нужно принимать и описывать таким, каким оно даёт себя, и только в тех рамках, в каких оно даёт себя» (Гуссерль Э.). В своей работе с конкретным пациентом мы опираемся только и исключительно на наш непосредственный опыт взаимодействия с ним.

Соответственно, существуют чёткие процедуры феноменологического метода — феноменологическая редукция, феноменологическое интуирование, феноменологический анализ и феноменологическое описание. Если мы говорим, что феноменология — это прежде всего метод, то, как и любой другой метод, он имеет определённую структуру. Нельзя просто сказать, что «я феноменолог» или «я придерживаюсь феноменологического подхода к клиенту». Необходимо понимать: что это означает, каким именно методом я пользуюсь?

Рассмотрим феноменологическую редукцию (эпохэ). Вот как Гуссерль определяет эпохэ: «Когда я осуществляю это — а я вполне свободен поступать таким образом, — то я не отрицаю этот мир, как если бы я был софистом; я даже не сомневаюсь в том, что он наличен, как делал бы, если бы был скептиком. Но я просто осуществляю феноменологическое эпохэ, которое совершенно освобождает меня от использования каких бы то ни было суждений, касающихся пространственно-временного существования (Dasein)» [13].

Непредвзятое отношение к пациенту очень важно для любого специалиста так называемых помогающих профессий (психолога, психиатра, коуча, консультанта). Это не означает, что я отказываюсь от всего объёма тех знаний, ради которых работаю, которым учусь, посещая конференции, семинары, тренинги и т.д. Но в тот момент, когда я вижу клиента, я беру эти знания в скобки, в кавычки, убираю из плоскости нашего общения, для того чтобы это не мешало мне воспринимать то, как себя показывает, даёт, открывает мне сам клиент.

Есть очень любопытное сравнение процедуры эпохэ с приёмом из области эстетики и философии искусства, которое раскрывает дополнительные грани процесса феноменологической редукции. Речь идёт о понятии «остранение», введённом в обиход известным русским советским литературоведом, филологом, писателем, критиком Виктором Борисовичем Шкловским (1893–1984).

Существует знаменитая «легенда», связанная с возникновением этого термина. Первоначально слово было написано автором как «отстранение», но наборщик потерял букву «т» при наборе, и когда Шкловскому это показали, ему новое написание понравилось, и именно в таком виде оно вошло в историю литературоведения (1914–1917, статья «Искусство как приём» и др.).

Когда мы слышим термин «остранение», то первые возникающие ассоциации — это отстранение, отстраниться, и одновременно — странный, странность и т.п. Этим термином автор обозначает задачу писателя вывести читателя «из автоматизма восприятия», сделав для этого предмет восприятия непривычным, странным. «Нужно вырвать вещь из ряда привычных ассоциаций, в которых она находится. Нужно повернуть вещь, как полено в огне» [14]. Чтобы увидеть что-то новое, необходимо увидеть в нём что-то странное. И этот процесс противопоставляется автоматизации при восприятии текста.

Существуют и иные версии происхождения данного термина, например авторство приписывают О.М. Брикку [15]. В контексте психотерапии интересны параллели с психоаналитическим подходом. Так, Д.Л. Шукуров (2014) пишет, что при остраении «вытесненные в сферу бессознательного инфантильные фазы развития актуализируются в необычных образах искусства и литературы» [15], а Д. Ранкур-Лаферьер (2004) соотносит приём остраения с психоаналитической ассоциативной техникой [16].

Мы можем перенести понятие «остранение» на восприятие личности пациента и на процесс психотерапии. Когда я вижу, воспринимаю вещь (феномен/клиента) автоматически, она проходит мимо меня, и взаимодействие между нами скорее только поверхностное, я не погружаюсь в её глубину. Однако когда я пытаюсь увидеть её как нечто странное, вызывающее любопытство и удивление, тогда появляется возможность погрузиться вовнутрь, погрузиться более глубоко. Как говорит Н.А. Артеменко: «Феноменология — практика переворота в удивление» [17].

Первоначально у Шкловского речь шла о восприятии литературного текста, но в принципе мы можем говорить об этом и в контексте взаимодействия с живым человеком. Каждый раз удивляться пациенту, пытаться увидеть в его рассказе что-то новое, по другому взглянуть на ситуацию, проблему, контекст нашего взаимодействия, — возможно, в этом и заключается искусство психотерапии. Позднее автор рассматривал «остранение» как «удивление миру», его «обострённое восприятие», внимательное «проникновение в жизнь» [18].

Сегодня мы можем говорить, что острающая способность свойственна любому творческому сознанию — в науке, искусстве, политике и так далее, и представляет собой универсальную концептуальную операцию творческого сознания, лиминальности [19].

Недаром М. Хайдеггер в своё время сравнивал философию и поэзию, противопоставляя её науке, научному

методу познания, когда говорил, что «Дуинские элегии» Р.М. Рильке поэтически выражают всё то, что он хотел сказать в «Бытии и времени» [20]. Возможно, поэтому поэты, возвращаясь к эпиграфу этой статьи, лучше интуитивно понимают наши процессы, а мы, психотерапевты, лишь пытаемся приблизиться к ним через те или иные научные процедуры и методы.

Следующая составная часть феноменологического метода — «феноменологическое описание, ... процедура максимально полного и прозрачного обозначения, предикации и языкового выражения первичных данных опыта, усматриваемых в рефлексии» [8]. Процесс рефлексии, можно рассматривать как ещё один способ практической реализации феноменологического метода. Существуют различные подходы к типологии рефлексии, например с точки зрения обучения практическим навыкам психотерапевтов и психологов весьма продуктивным представляется выделение, как минимум, трёх уровней рефлексии [21].

Первый, фактически элементарный уровень — простая рефлексия предметов и объектов, где, по мнению автора, об особенностях феноменологии речь ещё не идёт. Более глубокий уровень рефлексии — это рефлексия опыта восприятия предметов. И только на третьем уровне — уровне рефлексии мышления мы можем говорить о специфике феноменологического метода. Безусловно, можно согласиться с О.В. Лукьяновым, что именно этот уровень вызывает самые большие сложности в попытке его воспроизведения, в реальной ситуации работы с пациентом.

У Ясперса в его «Общей психопатологии» (1913) целые разделы посвящены так называемой понимающей психологии. Он частично разделял феноменологию и понимающую психологию, но это скорее методологические детали, не меняющие сути дела.

Можно привести определение понимающей психологии Дж. Нидлмана из его большой вступительной статьи к работе Л. Бинсвангера «Бытие в мире» (1999): «Понять вещь, феномен, идею или опыт, значит подойти к объекту, который нужно понять, на его условиях, видеть в нём структуры, которые выявляются с его стороны, а не с нашей. Понять объект, значит принимать в нём участие до тех пор, пока он не уступит свою сущность нам — тем, кто понимает» [22]. Это очень созвучно и во многом пересекается с основными принципами и методами феноменологического направления.

Коротко следует остановиться на проблеме представленности феноменологии в отечественной психиатрии. Традиционно считают, что дореволюционная, советская и, соответственно, российская психиатрия феноменологически ориентированы. Можно сказать, что «Общая психопатология» К. Ясперса, если и не «библия», то настольная книга отечественного психиатра, которую он, скорее всего, никогда толком и не открывал, как любую «настольную» книгу. В реальности феноменологическим подходом

нарекают в психиатрии описание всего лишь психического статуса или симптома (синдрома), чаще путая его с естественнонаучным методом описания. Отголоски феноменологического подхода, потерявшие свой изначальный смысл, закрепились в качестве атрибутов диагностической технологии как традиции в отечественной школе в виде «здорового смысла», «богатого опыта», интуиции, диагноза по первому впечатлению или «от анамнеза». Следует согласиться с В.А. Точиловым, что «Вопреки феноменологическим принципам эти механизмы нередко лежат в основе диагностической предубеждённости, неоднозначных диагностических толкований, освобождают врача от самоконтроля и самокоррекции» [23].

К сожалению, приходится констатировать, что понятие «феноменология» претерпело в сознании психиатров весьма печальную метаморфозу. На самом деле феноменологический метод имеет прямо противоположный смысл. Однако учитывая, что вряд ли кто-либо из психиатров знаком с основами метода, систематически обучался процедурам феноменологической редукции, эпохё, рефлексивного анализа и прочему подобному, ничего удивительного в этом нет. Всё это остаётся за рамками образования или в лучшем случае имеет лишь характер осведомлённости [3].

В этой связи хочется отметить появление монографии Ю.С. Савенко (2013), президента Независимой психиатрической ассоциации России, «Введение в психиатрию. Критическая психопатология». В книге показано, что «основной метод клинической психиатрии — феноменологическое описание (а не естественнонаучное) — является самым сложным, так как требует высокого уровня критической рефлексии, интеграции феноменологических и индуктивных единиц анализа» [24].

На протяжении многих лет в отечественной психиатрии выделяются работы профессора В.Д. Менделевича (2016, 2019), который развивает именно феноменологический подход, противопоставляя его преимущественно симптомоцентрированному [25, 26]. Безусловно, можно согласиться с автором в том, что использование феноменологического метода «требует знаний не только психиатрических основ семиотики, но и личностных, органических, соматических, философских, религиозных, культуральных, этнических механизмов психогенеза. Объективная диагностика единственно возможна в психиатрии в случае применения феноменологического метода» [26]. Не останавливаясь на положениях, в которых мы придерживаемся единого мнения, следует кратко обсудить имеющиеся разногласия.

В.Д. Менделевич считает, что для нормативных и патологических форм поведения и переживания следует использовать различные термины, так как они обозначают принципиально различные механизмы психических процессов и состояний [26]. Соответственно мы должны говорить о психологических феноменах или психопатологических симптомах, которые различаются, «как правило,

не количественно, но качественно» и «между которыми лежит пропасть» [26].

На первый взгляд, речь идёт о незначительных терминологических разногласиях, тем более автор говорит, что эти термины являются синонимами. Однако проблема значительно глубже. К примеру, нельзя согласиться с критикой автором известной типологии К. Клейста, рассматривающего сходство болезненных и нормативных переживаний человека и выделявшего:

1) гомонимные симптомы, отличающиеся от проявлений психической жизни в норме только степенью выраженности (например, депрессия);

2) гетеронимные симптомы, у которых нет аналогов в нормальных проявлениях (например, кататония);

3) интермедиарные симптомы, где нельзя чётко провести грань между нормой и патологией (например, навязчивости).

«Всегда можно отыскать сходные между собой и различающиеся по механизмам возникновения психопатологические симптомы и психологические переживания (феномены). Следовательно, говорить о интермедиарных симптомах неправомерно» [26].

На наш взгляд, феноменом является любое переживание или поведение человека вне зависимости от гипотетических механизмов их возникновения. Это, безусловно, не отрицает возможности (при необходимости) рассмотрения генеза тех или иных феноменов. Однако именно феноменологическое рассмотрение проявлений душевной жизни позволяет углубить наше понимание индивидуальных особенностей мироощущения клиента/пациента и нашего восприятия происходящего между нами взаимодействия.

Если же мы изначально используем психопатологическую терминологию (симптом), то, как справедливо отмечает В.Д. Менделевич, из неё вытекает «устойчивая и прочная диагностическая база», «цепочка, способная привести к точной нозологической диагностике» [25]. Задачи диагностики важны, но далеко не исчерпывают возможности феноменологического метода, а взятые изолированно, скорее его обедняют. Соглашаясь с автором, что слова-термины имеют определяющее значение для последующей цепочки ассоциаций и последствий, мы приходим к противоположному выводу.

Используя терминологию, имеющую психопатологическую окраску, мы изначально структурируем наше восприятие определённым образом и нарушаем главный феноменологический принцип воздержания от суждения, или эпохё. Таким образом, разделение психологических феноменов и психопатологических симптомов если и возможно, то исключительно дидактически при чётком понимании и проговаривании конкретной узкой задачи, решаемой в данном случае.

Возвращаясь к значимости конкретных терминов и их влияния на наше восприятие феномена в целом, нельзя не отметить их роль в психотерапевтической практике.

Использование психопатологической терминологии изначально сужает наше восприятие конкретного человека и его проблематики, невольно сводит многообразие индивидуального опыта преимущественно к медицинской (в широком смысле естественнонаучной) парадигме и вытекающим из неё методам воздействия. Как пишет об этом Майкл Гарретт (2021): «Биологические модели, излишне сосредоточенные на человеке без ссылки на неблагоприятный жизненный опыт и социальные условия, такие как концепция шизофрении как по существу генетически детерминированного заболевания мозга, локализуют проблему в человеке, а не в расширенной семье и социальной системе, членом которой является этот человек. Когда проблема находится в биологии пациента, возникает вопрос: «Что с тобой не так?», который ведёт к лекарственной терапии, а не вопрос «Что с тобой случилось?», который ведёт к психотерапии» [27].

Каким образом феноменологический подход используется в психотерапии? Как уже было отмечено, из основных направлений психотерапии именно третье, экзистенциально-гуманистическое направление наиболее широко использует феноменологический метод, и во многих учебниках и руководствах оно и называется «опытное» или непосредственно «феноменологическое», подчёркивая, что в основе всего направления лежит феноменология как метод.

В доступных источниках можно встретить упоминание феноменологического метода в контексте клиент-центрированной терапии К. Роджерса, гештальт-терапии Ф. Перлза, разнообразных школ экзистенциальной психотерапии (Р. Мей, Дж. Бьюдженталь, И. Ялом, Э. ван Дорцен, Э. Спинелли и др.), даэзин-анализа (Л. Бинсвангер, М. Босс, А. Хольцхей-Кунц), логотерапии В. Франкла, экзистенциальной психотерапии и интерпретации сновидений К. Мустакаса, групп совместного обсуждения сновидений М. Ульмана (dream sharing groups), концепции переживания и психотерапии Ю. Джендлина, процессуально ориентированной терапии А. и Э. Минделлов, инициальной психотерапии К. Дюркхайма, аналитической психологии К.Г. Юнга, интерсубъективного подхода в психоаналитической психотерапии Р. Столороу, Б. Брандшафта, Дж. Атвуда и др.

Многие из этих подходов получили широкое распространение, но некоторые методы мало или вообще неизвестны отечественным специалистам, их только начинают адаптировать в нашей стране. Следует обратить внимание, что даже такие, на первый взгляд далёкие от гуманистического направления школы, как аналитическая психология К.Г. Юнга, достаточно широко используют феноменологический метод в своей работе. В свете этого феноменология, можно сказать, пустила корни во многих направлениях психотерапии. При этом, как оно часто бывает, специалисты используют метод, не очень чётко отдавая себе в этом отчёт и не рефлексируя его источники и основы.

И здесь возникает вопрос о подготовке специалистов — психотерапевтов и психиатров. Каким образом

мы можем работать с другими, не очень чётко понимая самого себя и не отдавая себе отчёт, в каком именно методе я работаю. Выше уже было подчёркнуто, что недостаточно назвать себя феноменологом, необходимо практиковать этот метод именно как метод, а не как общее понимание человека или мира.

На первый взгляд, психотерапевты лучше знакомы с феноменологическим движением. Различные школы экзистенциальной психотерапии наряду с гештальт-терапией наиболее чётко артикулируют использование феноменологического метода в своей работе. И это два главных подхода терапии, которые также свидетельствуют о сознательном использовании феноменологии как в подготовке психотерапевта и консультанта, так и в работе с пациентом. Понятно, что различные авторы и те или иные школы в большей или меньшей степени используют феноменологию, но, тем не менее, в целом они едины в декларации ведущего метода феноменологии в практике психотерапии.

Именно в этих подходах феноменологический метод включён в программы профессиональной подготовки, например в двух отечественных руководствах по гештальт-терапии есть главы по феноменологии. Содержательно эти главы скорее повторяют исключительно общие и базовые основы феноменологии, но, тем не менее, они представлены. Всё, казалось бы, замечательно, но можно вспомнить статью известного украинского гештальт-терапевта Александра Моховикова, одного из немногих специалистов, уделявших внимание феноменологическому методу, в которой он описывал типичный диалог: «Я спросил своих коллег: «Что вы читали о феноменологии?» Мне сказали: «Гештальтисты хорошо знают, что есть маленький сборник, где небольшое введение Гэри Йонтефа посвящено осознанию, и там есть одностороннее вступление о том, что такое феноменологическая перспектива». Я спрашиваю: а что ещё читали? А больше ничего» [28]. При этом упоминаемая работа полностью так и не переведена на русский язык, опубликованы только отдельные фрагменты, в переводе того же А. Моховикова.

К сожалению, это общая ситуация не только для гештальт-терапевтов, но и для специалистов иных направлений, признающих значение феноменологического метода в своей работе. На наш взгляд, именно экзистенциальная психотерапия не просто декларирует, но и максимально полно реализует изучение феноменологического метода в различных моделях подготовки специалистов. В частности, можно сослаться на известный на постсоветском пространстве, многолетний опыт работы Института гуманистической и экзистенциальной психотерапии в Биршто-насе (Литва), под руководством Р. Кочюнаса.

При этом литература по использованию феноменологического метода в экзистенциальной психотерапии, за исключением монографии А. Улановского [7], касающейся феноменологической работы в психологии и психотерапии в целом, преимущественно переводная [29–31].

В последние годы мы пытаемся заполнить этот пробел, издавая тематические сборники научно-практических конференций «Философия и психотерапия» и «Случевские чтения: феноменология и экзистенциальная психотерапия» [32–34].

Именно феноменологический метод объединяет разнообразие школ экзистенциальной психотерапии. С точки зрения Э. Спинелли «...экзистенциальный терапевт старается обрести как можно более адекватный (хотя и всегда в недостаточной степени) доступ в мир, в котором живёт клиент в настоящее время, с тем, чтобы способ бытия клиента мог быть наиболее тщательно и правдиво показан или обнаружен как именно то бытие, которое проживается» [29]. Мы можем видеть здесь абсолютно феноменологический подход к работе. В том числе не просто к диагностике, но и к самой терапии, к той работе, которую мы делаем после того, как присоединились к клиенту.

Российской психотерапевтической традиции вовсе не чужда идея сугубо индивидуального подхода к пациенту, учитывающего всё многообразие его жизненного опыта. Так, говоря о будущем развитии медицины, Б.Д. Карвасарский и соавт. отмечали, что «Новое столетие ожидается как время сближения и взаимопотенцирования разных наук и областей социальной практики. В медицине это коснётся более тесного сближения её с психологией, а исход этого процесса в меньшей степени будет зависеть от новых теоретических моделей, чем от позиции каждого врача, который сумеет в своём пациенте увидеть не только страдающего человека, но и уникальную личность, болезнь которой преломляется через её неповторимый опыт и историю жизни» [35]. Феноменологический метод может помочь в решении этих задач.

Э. ван Дерцен перечисляет правила, которыми она руководствуется в психотерапии [36]:

- 1) отставить в сторону все свои заранее установленные предположения;
- 2) описывать свой опыт (вместо того, чтобы пытаться его объяснить);

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Василюк Ф.Е., Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г., и др. Методология психологии: проблемы и перспективы. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 528 с.
2. Карвасарский Б.Д. Российская психотерапия: задачи и проблемы развития / В сб.: XIV Съезд психиатров России. Материалы. М.: РОП; Медпрактика-М, 2005. с. 404.
3. Бабин С.М., Случевская С.Ф. Взаимоотношение философии и медицинской модели психотерапии / В сб.: Сборник научных статей и рабочих материалов к докладам участников II Международной конференции «Философия и психотерапия», СПб., 31.05–01.06.2014. СПб.: Анатолия, 2014. с. 3–12.
4. Ясперс К. Общая психопатология. Пер. с нем. М.: Практика, 1997. 1056 с.

3) уравнивать все его аспекты посредством горизонтализации (вместо того, чтобы позволять некоторым аспектам выделяться).

Фактически речь идёт о феноменологической редукции и феноменологической дескриптивной практике Э. Гуссерля. Таким образом, именно экзистенциальная психотерапия наиболее чётко и последовательно как в подготовке специалиста, так и в своей деятельности реализует на практике феноменологический метод в психотерапии.

Более широкое применение феноменологического метода в психотерапии, знакомство специалистов с его философскими основаниями и методологическими принципами, междисциплинарный диалог, расширение гуманитарной составляющей подготовки профессионала, на наш взгляд, отвечают задачам дальнейшего развития отечественной психотерапии. Развивая экзистенциальное направление в российской психотерапии, мы таким образом реализуем идею нашего учителя Б.Д. Карвасарского: «Перефразируя известное выражение, я мог бы сказать, что каждый народ заслуживает ту психотерапию, которую он имеет. Наша огромная задача сформировать более адекватные, чем мы имеем сегодня, представления людей о возможной роли современной психотерапии в лечении, реабилитации, сохранении психического здоровья народа» [37].

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Источник финансирования. Автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования при написании статьи.

Конфликт интересов. Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

ADDITIONAL INFORMATION

Funding source. This article was not supported by any external sources of funding.

Competing interests. The author declares that they have no competing interests.

5. Власова О.А. Философские проблемы феноменологической психиатрии. Курск: Изд-во Курского ун-та, 2007. 208 с.

6. Артеменко Н. Критические наброски к хайдеггеровским Цолликоновским семинарам / В сб.: Цолликоновские семинары: комментарии и интерпретации. Сборник научных трудов. Вильнюс: Логвинов, 2017. с. 165–192.

7. Улановский А.М. Феноменологическая психология: качественные исследования и работа с переживанием. М.: Смысл, 2012. 255 с.

8. Улановский А.М. Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 1. С. 130–150.

9. Райнах А. О феноменологии. В кн.: Антология реалистической феноменологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. с. 349–373.
10. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента, Наука, 1999. 605 с.
11. Штайн Э. К проблеме чувствования. В кн.: Антология реалистической феноменологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. с. 657–693.
12. Власова О.А. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ. История, мыслители, проблемы. М.: Территория будущего, 2010. 640 с.
13. Феноменологическая редукция. Режим доступа: https://psylib.org.ua/books/gritz01/fenomenologicheskaja_redukcija.htm Дата обращения: 10.05.2024.
14. Шкловский В.Б. О теории прозы. М.; Л.: Круг, 1925. с. 61.
15. Шукуров Д.Л. Русский литературный авангард и психоанализ в контексте интеллектуальной культуры Серебряного века. М.: Яз. славянской культуры (ЯСК): Рукописные памятники Древней Руси, 2014. 224 с.
16. Ранкур-Лаферьер Д. Русская литература и психоанализ. Пер. с англ. М.: Ладомир, 2004. 1017 с.
17. Артеменко Н.А. Исследовательский потенциал феноменологически-ориентированной оптики // EXISTENTIA: психология и психотерапия. 2022. Т. 15. с. 67–93.
18. Шкловский В.Б. Тетива. О несходстве сходного. М.: Сов. писатель, 1970. 376 с.
19. Остранение. Режим доступа: <https://terme.ru/termin/ostranenie.html> Дата обращения: 10.05.2024.
20. Адо П. Философия как способ жить: беседы с Жанни Карлие и Арнольдом И. Дэвидсоном. Пер. с франц. М.: «Степной Ветер». — СПб.: Коло, 2005. 268 с.
21. Лукьянов О.В. Феноменологическая психология в университете: об опыте преподавания одноименного спецкурса студентам-психологам // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2. с. 168–190.
22. Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. Избранные статьи. Пер. с англ. М.: КСП+. — СПб.: Ювента, 1999. 300 с.
23. Точилев В.А. О месте и значении МКБ-10 в отечественной психиатрии. В кн.: Клиническая и экстремальная психиатрия. СПб.: Военно-медицинская академия, 2003. с. 185–189.
24. Савенко Ю.С. Введение в психиатрию. Критическая психопатология. М.: Логос, 2013. 450 с.
25. Менделевич В.Д. Терминологические основы феноменологической диагностики в психиатрии. М.: Городец, 2016. 128 с.
26. Менделевич В.Д. Психиатрическая пропедевтика. Практическое руководство. М.: Городец, 2019. 496 с.
27. Гарретт М. Психотерапия при психозах. Когнитивно-поведенческая и психодинамическая терапия: комплексный подход. Пер. с англ. М.: Городец, 2021. 496 с.
28. Моховиков А.Н. Болевые точки психотерапии: принимая вызов. М.: Смысл, 2018. 212 с.
29. Спинелли Э. Зеркало и молоток: Вызовы ортодоксальному психотерапевтическому мышлению. Пер. с англ. Минск: Логвинов, 2009. 216 с.
30. Хольцхей-Кунц А. Страдания из-за собственного бытия. Дазайн-анализ и задача герменевтики психопатологических феноменов. Пер. с нем. Вильнюс: Логвинаў, 2016. 312 с.
31. Эмбри Л. Рефлексивный анализ. Первоначальное введение в феноменологию. Пер. с англ. М.: Три Квадрата, 2005. 224 с.
32. Existentia: психология и психотерапия. Журнал Восточно-европейской ассоциации экзистенциальной терапии. Спецвыпуск: философия. Материалы Международной конференции «Философия и психотерапия». СПб., 19.03–29.03.2011. 2011. 181 с.
33. Философия и психотерапия / В сб.: Сборник научных статей и рабочих материалов к докладам участников II Международной конференции «Философия и психотерапия», СПб., 31.05–01.06.2014. СПб.: Анатолия, 2014. 232 с.
34. Случевские чтения: феноменология и экзистенциальная психотерапия / В сб.: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. СПб.: КОСТА, 2016. 272 с.
35. Карвасарский Б.Д. Психотерапия в России: ретроспектива и задачи дальнейшего развития / В сб.: Психотерапия: от теории к практике. Материалы 1 съезда Российской психотерапевтической ассоциации. СПб.: изд. Психоневрологического института им. В.М. Бехтерева, 1995. с. 8–16.
36. Ван Дерцен Э. Повседневные тайны. Пер. с англ. Минск, 2012. 334 с.
37. Карвасарский Б.Д., Назыров Р.К., Подсадный С.А., Чехлатый Е.И. Медицинская психология и реабилитация: история и современность / В сб.: Психосоциальная реабилитация и качество жизни. Сборник научных трудов. Т. 137. СПб: СПб НИИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2001. с. 203–210.

REFERENCES

1. Vasilyuk FE, Zinchenko VP, Meshcheryakov BG, et al. *Metodologiya psikhologii: problemy i perspektivy*. M., SPb.: Centr humanitarnykh iniciativ; 2013. 528 p. (In Russ.)
2. Karvasarskij BD. Rossijskaya psikhoterapiya: zadachi i problemy razvitiya. In: *XIV S'ezd psikhiatrov Rossii. Materialy*. M.: ROP; Medpraktika-M; 2005. p. 404. (In Russ.)
3. Babin SM, Sluchevskaya SF. Vzaimootnoshenie filosofii i medicinskoj modeli psikhoterapii. In: *Sbornik nauchnykh statej i rabochikh materialov k dokladam uchastnikov II Mezhdunarodnoj konferencii "Filosofiya i psikhoterapiya"*, SPb., 31.05–01.06.2014. SPb.: Anatoliya; 2014. p. 3–12. (In Russ.)
4. Jaspers K. *Obshchaya psikhopatologiya*. Per. s nem. M.: Praktika; 1997. 1056 p. (In Russ.)
5. Vlasova OA. *Filosofskie problemy fenomenologicheskaj psikhiatrii*. Kursk: izd-vo Kurskogo gos. un-ta; 2007. 208 p. (In Russ.)
6. Artemenko N. Kriticheskie nabroski k khajdeggerovskim Tsllikonovskim seminarom. In: *Tsollikonovskie seminar: kommentarii i interpretacii. Sbornik nauchnykh trudov*. Vil'nyus: Loginov; 2017. p. 165–192. (In Russ.)
7. Ulanovskij AM. *Fenomenologicheskaya psikhologiya: kachestvennye issledovaniya i rabota s perezhivaniem*. M.: Smysl; 2012. 255 p. (In Russ.)
8. Ulanovskij AM. Fenomenologicheskij metod v psikhologii, psikhiatrii i psikhoterapii. *Metodologiya i istoriya psikhologii*. 2007;2(1):130–150. (In Russ.)

9. Reinach A. O fenomenologii. In: *Antologiya realisticheskoy fenomenologii*. M.: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy; 2006. p. 349–373. (In Russ.)
10. Merlo-Ponti M. *Fenomenologiya vospriyatiya*. SPb.: Yuventa, Nauka; 1999. 605 p. (In Russ.)
11. Stein E. K probleme vchuvstvovaniya. In: *Antologiya realisticheskoy fenomenologii*. M.: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy; 2006. p. 657–693. (In Russ.)
12. Vlasova OA. *Fenomenologicheskaya psikiatriya i ehkzistencial'nyy analiz: Istoriya, mysliteli, problemy*. M.: Territoriya budushchego; 2010. 640 p. (In Russ.)
13. *Fenomenologicheskaya redukcija*. Available from: https://psylib.org.ua/books/gritz01/fenomenologicheskaya_redukcija.htm Accessed: May 10, 2024. (In Russ.)
14. Shklovskiy VB. *O teorii prozy*. M.; L.: Krug; 1925. p. 61. (In Russ.)
15. Shukurov DL. *Russkij literaturny avangard i psikhoanaliz v kontekste intellektual'noj kul'tury Serebryanogo veka*. M.: Yaz. slavyanskoj kul'tury (YaSK): Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi; 2014. 224 p. (In Russ.)
16. Rancour-Laferrriere D. *Russkaya literatura i psikhoanaliz*. Per. s angl. M.: Lodomir; 2004. 1017 p. (In Russ.)
17. Artemenko NA. Issledovatel'skij potentsial fenomenologicheskii-orientirovannoj optiki. *EXISTENTIA: psikhologiya i psikhoterapiya*. 2022;15:67–93. (In Russ.)
18. Shklovskiy VB. *Tetiva. O neskhodstve skhodnogo*. M.: Sov. pisatel'; 1970. 376 p. (In Russ.)
19. *Ostranenie*. Available from: <https://terme.ru/termin/ostranenie.html> Accessed: May 10, 2024.
20. Ado P. *Filosofiya kak sposob zhit': Besedy s Zhanni Karl'ie i Arnol'dom I. Dehvidsonom*. Per. s frants. M.: Stepnj Veter. — SPb.: Kolo; 2005. 268 p. (In Russ.)
21. Luk'yanov OV. Fenomenologicheskaya psikhologiya v universitete: ob opyte prepodavaniya odnoimennogo spetskursa studentam psikhologam. *Moskovskij psikhoterapevticheskij zhurnal*. 2009;(2):168–190. (In Russ.)
22. Binsvanger L. *Bytie-v-mire. Izbrannye stat'i*. Per. s angl. M.: KSP+. — SPb.: Yuventa; 1999. 300 p. (In Russ.)
23. Tochilov VA. O meste i znachenii MKB-10 v otechestvennoj psikiatrii. In: *Klinicheskaya i ehkstreml'naya psikiatriya*. SPb.: Voenno-medicinskaya akademiya; 2003. p. 185–189. (In Russ.)
24. Savenko YuS. *Vvedenie v psikiatriyu. Kriticheskaya psikhopatologiya*. M.: Logos; 2013. 450 p. (In Russ.)
25. Mendelevich VD. *Terminologicheskie osnovy fenomenologicheskoy diagnostiki v psikiatrii*. M.: Gorodets; 2016. 128 p. (In Russ.)
26. Mendelevich VD. *Psikhiatricheskaya propedevtika*. Prakticheskoe rukovodstvo. M.: Gorodets; 2019. 496 p. (In Russ.)
27. Garrett M. *Psikhoterapiya pri psikhozakh. Kognitivno-povedencheskaya i psikhodinamicheskaya terapiya: kompleksnyj podkhod*. Per. s angl. M.: Gorodets; 2021. 496 p. (In Russ.)
28. Mokhovikov AN. *Bolevye tochki psikhoterapii: prinyimaya vyzov*. M.: Smysl; 2018. 212 p. (In Russ.)
29. Spinelli E. *Zerkalo i molotok: Vyzovy ortodoksal'nomu psikhoterapevticheskomu myshleniyu*. Per. s angl. Minsk: Loginov; 2009. 216 p. (In Russ.)
30. Holzhey-Kunz A. *Stradaniya iz-za sobstvennogo bytiya. Dazajin-analiz i zadacha germeneytiki psikhopatologicheskikh fenomenov*. Per. s nem. Vil'nyus: Logynay; 2016. 312 p. (In Russ.)
31. Embree L. *Refleksivnyy analiz. Pervonachal'noe vvedenie v fenomenologiyu*. Per. s angl. M.: Tri Kvadrata; 2005. 224 p. (In Russ.)
32. Existencia: psikhologiya i psikhoterapiya. *Zhurnal vostochno-evropejskoj assotsiatsii ehkzistentsial'noj terapii*. Spetsvypusk: filosofiya. In: *Materialy Mezhdunarodnoj konferentsii "Filosofiya i psikhoterapiya"*. SPb., 19.03.-29.03.2011. 2011. 181 p. (In Russ.)
33. Filosofiya i psikhoterapiya. In: *Sbornik nauchnykh statej i rabochikh materialov k dokladam uchastnikov II Mezhdunarodnoj konferentsii "Filosofiya i psikhoterapiya"*. SPb., 31.05–01.06.2014. SPb.: Anatoliya; 2014. 232 p. (In Russ.)
34. Sluchevskie chteniya: fenomenologiya i ehkzistentsial'naya psikhoterapiya. In: *Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. SPb.: KOSTA; 2016. 272 p. (In Russ.)
35. Karvasarskij BD. Psikhoterapiya v Rossii: retrospektiva i zadachi dal'nejshego razvitiya. In: *Psikhoterapiya: ot teorii k praktike. Materialy 1 S'ezda Rossijskoj Psikhoterapevticheskoy Assotsiatsii*. SPb.: izd. Psikhonevrologicheskogo instituta im VM Bekhtereva; 1995. p. 8–16. (In Russ.)
36. Van Deurzen E. *Povsednevnye tajny*. Per. s angl. Minsk; 2012. 334 p. (In Russ.)
37. Karvasarskij BD, Nazyrov RK, Podsadnyj SA, Chekhlaty E. Meditsinskaya psikhologiya i reabilitatsiya: istoriya i sovremennost'. In: *Psikhosotsial'naya reabilitatsiya i kachestvo zhizni*. Sbornik nauchnykh trudov. Vol. 137. SPb: SPb NIIPNI im VM Bekhtereva; 2001. p. 203–210. (In Russ.)

ОБ АВТОРЕ

Сергей Михайлович Бабин, д-р мед. наук, проф.,
каф. психотерапии, медицинской психологии и сексологии,
Президент Российской психотерапевтической ассоциации;
адрес: Россия, 191015, Санкт-Петербург, ул. Кирочная, д. 41;
ORCID: 0000-0002-6648-0401;
eLibrary SPIN: 9645-1098;
e-mail: sergbabin@inbox.ru

AUTHOR'S INFO

Sergey M. Babin, MD, Dr. Sci. (Med.), Prof.,
Depart. of Psychotherapy, Medical Psychology and Sexology;
address: 41 Kirochnaya street, 191015, Saint-Petersburg, Russia;
ORCID: 0000-0002-6648-0401;
eLibrary SPIN: 9645-1098;
e-mail: sergbabin@inbox.ru